

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ: ЦЕННОСТНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ¹Национальный транспортный университет²Гуманитарный институт Национального авиационного университета

В статье анализируются методологические подходы к изучению взаимодействия ценностного и когнитивного в историческом познании, раскрываются механизмы проникновения ценностной компоненты в структуру исторических суждений.

Введение

Историческая наука в силу особенностей своего объекта, специфики его отражения дает богатейший материал для исследования субъективной стороны познания, взаимосвязи ценностного и научного в процессе познания. Многоаспектность и сложность соотношения ценностно-мировоззренческого и объективно-научного в процессе исторической реконструкции значительно возрастает в силу специфичности объекта и форм его проявления в изучении прошлого. Соотношение субъективного и объективного присуще не только формам, в которых субъект отражает свидетельства источников, но и данным документа, который выступает в противоречивой роли с одной стороны, как определенный носитель информации, с другой стороны, как промежуточный предмет исследования. Задача выяснения предпосылок и условий, обеспечивающих реализацию ценностной стороны исторического познания с положительным результатом, представляется очень трудным делом. Следует учитывать, что опосредованность процесса познания социо-культурными установками не является препятствием для достижения объективного знания, так как в основе познания должны находиться общепринятые нормы и стандарты современной науки и сама зависимость познавательного образа от субъекта так или иначе обусловлена современным историческим опытом. Но содержание познавательной активности субъекта в историческом исследовании зависит от комплекса самых разнообразных мировоззренческих ориентаций и системы концептуальных средств познания. Гносеологический анализ активности субъекта исторического познания должен сопровождаться аксиологическим и культурологическим подходами и формами ее рефлексии.

Постановка задачи

В статье ставится исследовать ценностную цель ориентацию как субъекта социально-исторического познания, так и субъекта исторического развития, проанализировать специфику проявления ценностей в историческом знании. Особое внимание будет уделено проблеме соотношения истинности и ценности в исторических исследованиях. Основная задача, которая ставится авторами, – выявить зависимость форм и содержания историко-культурной природы субъекта. Кроме того, познавательный интерес вызывает изучение историко-научных последствий

реализации ценностно-мировоззренческих установок ученого.

Основная часть

В историческом познании изучение взаимосвязи, взаимодействия, сочетания эмоционально-нравственных, ценностно-мировоззренческих критериев с критериями строгости и рациональности являются достаточно сложным вопросом. Положение ученого-историка внутренне противоречиво. С одной стороны, стремясь к объективно-истинному знанию, он обязан быть беспристрастным исследователем, а с другой стороны, он не может оставаться на позициях бесстрастного регистратора совершившихся событий. В процессе работы с текстами и документами при исследовании круга проблем истории переживают эмоциональное напряжение, сопровождающее концептуальный анализ фактов, удовлетворение либо разочарование результатом исследования, полученными выводами. В процессе исследования у историка могут формироваться целеустремленность, настойчивость, самопожертвование, честность и другие моральные качества, столь необходимые для объективного познания прошлого. Вместе с тем, исследовательская работа по разным причинам может привести к отрицательным последствиям, например, к беспринципности, конъюнктуре и т.д. Отсюда вытекает необходимость рассмотрения ценностного подхода, выражающегося в оценочных суждениях и являющегося одной из форм сложного отношения историка к феноменам прошлого.

Анализ форм проявления ценностно-мировоззренческих ориентаций в исторической науке показывает, что оценочные суждения наиболее распространены в этой форме знаний и что они не являются здесь совершенно независимыми по своей природе от научного исследования исторических объектов. В историческом познании задача изучения функционирования в работе ценностных установок субъекта имеет принципиальное значение и в плане выяснения условий получения достоверного знания. Ценностный подход к истории в познании может как положительно, так и отрицательно влиять на исследование. Причём, к негативным последствиям может привести не только ориентация субъекта познания на какую-либо идеологию, но и стремление откликнуться на злобу дня, колебание политической конъюнктуры, желание выразить субъективные вкусы и настроения, угодить «руководителям» науки, реализовать

корпоративный интерес в науке. Такие мотивы познавательной деятельности противоречат интересам общества, наносят непоправимый ущерб истории, как науке. Даже если исключить случаи умышленного искажения исторической истины, прямой фальсификации и недобросовестности, сохраняются объективные условия негативных политических и идеологических воздействий на процесс познания.

Искажения в исторических исследованиях возможны и в случае нарушения учёными принципов исторического анализа, правил научной методологии познания и других гносеологических требований. Часто источником ошибок в историческом исследовании является некорректность в использовании различных методов, неправомерность аналогии, абсолютизация одного подхода, необоснованность переноса методов других наук в сферу истории. Учёный-историк, сформировавшийся в определённой политической или религиозной культуре, нередко руководствуется идеологическими представлениями об истории, что находит своё выражение в схематизации социального развития, упрощённых трактовках вектора истории. Формируется догматический стиль мышления, который реализуется во всей структуре и содержании исторического познания (например, в принципах и нормах описания, объяснения, оценках социальных фактов) от постановки проблемы до её теоретического решения. Однако при всей значимости для развития науки социальных факторов и общественных механизмов воздействий, специфически преломляющихся через ценностные, установки исследования, не меньший интерес представляет изучение мировоззренческих основ познавательной активности субъекта.

Будучи синтезом современных знаний и ценностно-эмоциональным отношением к действительности, мировоззренческие предпосылки выполняют регулятивно творческие функции в процессе научного познания, трансформируясь в методологические принципы построения концепций, теорий, обобщений. Поэтому философско-гносеологический анализ стал в дальнейшем сосредоточиваться на выяснении их места и значения на различных этапах исследования, а также способах проникновения и формах присутствия в содержании знаний. Указанное направление анализа научного творчества особенно плодотворно в социальных науках, поскольку даёт возможность по-новому взглянуть на структуру и организацию научного исследования, открывает новые пути и возможности изучить стимулы познавательной деятельности ученого, условия выбора и предпочтения теоретико-методологических средств познания и направления научной работы. Такой подход позволяет установить специфические каналы связи между наукой и культурным окружением, различными областями духовной культуры, общественного сознания, в которых находят свои мировоззренческие ориентации субъекта.

Позитивистская методология истории верила в незыблемость и чистоту научных фактов, безусловно отдавала им предпочтение. Французский историк О. Тьерри писал ещё в 1820 г.: «Быть может, именно таков порядок цивилизации, что за веком, который выдвигает идеи, следует век, который обращается к фактам» [1, с. 171].

В шестидесятые годы XIX века тенденция меняется. Начинает преобладать документальный дух, стремление к точности как к необходимому техническому аспекту профессии ученого. Новая концепция роли исследователя сформулирована известным историком Фюстелем де Куланжем: «Многие думают, что историку полезно и хорошо иметь предпочтения, «господствующие идеи», высшие понятия. Думать таким образом – это значит обманываться в существе истории. Это не искусство, а чистая наука, и, как всякая наука, она состоит в установлении и анализе фактов, их сопоставлении и выявлении связей между ними» [1, с. 171]. Понимаемая таким образом история противопоставляется истории основанной на воображении литературы, а также философии. Она опирается только на документацию. Эта тенденция благотворна, но было бы желательно, чтобы сами историки поставили вопрос, где же пределы этой объективности. Прежде всего документ, даже аутентичный, является лишь одним из аспектов фактической действительности и полностью не совпадает с ней. Кроме того, сам по себе он часто субъективен. Наконец, выбор документов и их толкование зависят от личности ученого. Однако всё это не беспокоило последователей Фюстеля де Куланжа. Больше смущали их другие затруднения методологического плана – невозможность непосредственно наблюдать события, отсутствие данных и пр. Сеньобос сетовал в этой связи на то, что история «представляет собой самое несовершенное знание».

Однако всё это затруднение является преходящим, документы рано или поздно раскроют истину и единая историческая концепция позволит в один прекрасный день объяснить прошлое. В ожидании этого надо собирать материалы и с их помощью заставить говорить факты. Но что такое исторический факт? Будучи не в состоянии дать соответствующее определение, французские историки в принципе исходили из того, что исторический характер не присущ самим фактам, он является лишь способом познания. Нет исторических фактов, подобно, например, фактам химическим. Один и тот же факт является или не является историческим в зависимости от способа его познания. Имеются лишь методы познания истории». Таким образом, история выступила лишь в качестве метода. В XX веке вопрос «Что такое история?» был поставлен иначе, речь на этот раз шла не о методе, а о предмете. «Задача истории – вспомнить прошлое, – писал в 1903 г. П. Манту и добавлял: – "То, что является особенным, всё то, что не повторяется более одного раза, и есть область истории"[1, с. 172]. Однако такое утверждение не могло не быть расценено многими

как произвольное ограничение исторической науки. Можно ли изолировать новое и особенное от общей эволюции, постоянного, повторяющегося? "Однолинейная", "случайная" история вызвала протест и требование более широкого подхода. Следует обратить внимание и на тот довольно парадоксальный факт, что как раз в тот период, когда другие социальные науки дальше всего отошли от истории, длительное время воздействовавшей на них и даже иногда тормозившей их развитие, сама история в результате этого вовсе не оказалась ослабленной, а даже наоборот заметно усилилась.

На процесс исторического исследования большое влияние оказывает весь массив ценностей социогуманитарного знания, однако важнейшим каналом проникновения ценностного элемента является система философско-методологических построений. Создавая для исторического исследования познавательные средства, научные программы, философия тем самым в значительной степени способна формировать как методы изучения прошлого, так и сами социально-исторические концепции. Помимо философии ценностные знания проникают в историческое познание через другие общественные науки. Историческая наука, социальная философия и социология являются основными общественными науками, призванными с самого начала по своему предмету и задачам исследовать человека в социокультурном контексте, то есть в институциональной среде, которая его окружает. Взаимодействие истории с другими общественными науками очень плодотворно как для нее самой, так и для других областей знания.

История, как и другие формы социогуманитарного знания, неразрывно связана с ценностями: во-первых, познание субъекта основано на ценностях и целях, во-вторых, историческое знание воспроизводит ценности и цели людей, общественных групп в прошлом и настоящем.

В историческом познании изучение взаимосвязи, взаимодействия, сочетания эмоционально-нравственных, ценностно-мировоззренческих критериев с критериями научной строгости и рациональности является достаточно сложным вопросом. Ценностно-мировоззренческие влияния на процесс развития исторического знания реализуются в содержании познавательной активности субъекта. Включение проблемы активности субъекта в наш анализ позволяет углубить исследование и более основательно обосновать положение о мировоззренческой детерминации истории. Различные представления о роли и функциях познающего субъекта в исторических науках стали основой для дискуссий, прошедшей в конце XIX – XX вв. в методологии социального познания.

Западноевропейская философская мысль XIX века в основном придерживалась принципа объективности и находила принципиально возможным достижение соответствия научного мышления и исторической действительности

средствами социального познания. В позитивистской методологии науки долгое время господствовало положение о том, что соответствие знаний действительности может быть достигнуто путем устранения творческой активности познающего субъекта. Такая объективистская установка, переносившая центр тяжести с субъекта знания на его объект, совершенно игнорировала не только творческую активность мышления исследователя, но и всякую зависимость процесса познания от познающего субъекта. Характерная для позитивистской исторической науки конца XIX века наивно-реалистическая концепция социального знания выражена немецким исследователем П. Бартом, который писал: «Как до всякой теории познания существовали твердо установленные эмпирические положения естествознания... точно также существуют и твердо установленные независимо от теории познания исторические факты» [2, с. 10]. Однако уже в 80 – 90-е гг. XIX века гносеологический оптимизм классического позитивизма натолкнулся на серьезную критику со стороны известных историков и философов – В. Виндельбанда, В. Дильтея, У. Джемса, Г. Зиммеля, Э. Мейера, Г. Риккерта – представителей неокантианства, философии жизни и философии прагматизма.

Отрицание объективности исторического познания, содержащееся в их теоретико-методологических концепциях, отчасти было связано с определенным способом решения вопроса о субъективном элементе в социальном исследовании. Они указывали на необходимость перестройки основных постулатов процесса исследования: их общим тезисом явилась интерпретация субъекта познания в качестве организующего начала, изменяющего и преобразовывающего объект познания и создающего новые знания. Так Э. Майер подчеркивал, что «во всяком познании первичным фактом является познающий субъект» и «из своего «я» историк черпает проблемы, с которыми он подходит к материалу: они служат ему путеводной нитью, при помощи которой он сравнивает и группирует факты, отмечает исторические моменты» [3, с. 53]. На вопрос о том, чем должен руководствоваться исследователь при постановке проблемы и отборе фактов, Э. Майер отвечает, что выбор «основывается на историческом интересе, который современность испытывает к какому-нибудь событию, вследствие чего и чувствуется потребность исследовать его причины» [3, с. 43].

Справедливо подчеркивая воздействие индивидуальности ученого, мира его идей и среды, которая его формирует, на процесс познания, отмечая неустранимость этого момента из исторических концепций, Э. Майер приходит к релятивистским трактовкам социального познания. «В конце концов, всякое понимание истории будет только нашим пониманием», пишет он, и никогда не может быть достигнуто абсолютно раз и навсегда признанного понимания» [4, с. 53]. Такие же представления о роли познающего субъекта в социальном исследовании развивает Г. Зиммель.

Рассматривая ученого как активного социального субъекта, он выводит различия в исторических взглядах из того, «насколько широкой или ограниченной натурой является исследователь, каков круг его наблюдений», «в связанном ли политически или свободном общезнании собирал он свои воззрения на жизнь» [4, с. 27-28]. Наиболее рельефно данная позиция была выражена В. Дильтейем, для которого социальное познание – глубоко субъективный процесс. Утверждая огромное влияние личности исследователя, его воспитания, мировоззрения на процесс познания, В. Дильтей отрицает возможность достижения какой-либо объективной истинности социального познания, отказывая ему в научности и рациональности. «Научное познание, – пишет он, – может проверить свои рассуждения, на которых зиждется правильность конечного вывода; оно может точно сформулировать и обосновать свои положения. Другое дело наше знание жизни; оно не может быть проверено и точные формулы здесь невозможны» [5, с. 137–138]. Сами факты, с которыми оперирует наука, полагает В. Дильтей, глубоко иррациональны, они постигаются не рациональным научным методом, а путем сопереживания [6, с. 8–17]. Соответственно историческое познание не может быть проверено с помощью фактов на объективность и превращается в акт веры; социальные учения оказываются недоказуемыми по своей природе. На зависимость исторического познания от меняющейся жизни указывает немецкий исследователь творчества В. Дильтея М. Фришейзен-Келер, по мнению которого, исторические понятия имеют априорный характер, являются зыбкими и приходящими. Желанная обще- значимость логических конструкций, пишет он, – бледнеет и исчезает, когда меняется жизнь, питавшая их.

В начале XX века, один из основоположников американского прагматизма, У. Джемс также отстаивает субъективистскую установку сведения реальности к «чистому опыту», сознанию исследователя. Американский философ пишет: «Наличность действительности принадлежит ей, но содержание ее зависит от выбора, а выбор зависит от нас. Как со стороны восприятий, так и со стороны существующих между ними отношений, действительность нема, она ничего не говорит о себе. Мы говорим за нее» [7, с. 150]. Таким образом, критическая философия истории стремилась учесть активность субъекта в социальном познании на основе отказа от концепции соответствия социального знания исторической действительности. Такой подход привел ее представителей к абсолютизации творческой активности субъекта или субъективной стороны познания, противопоставлению или отождествлению субъективного и объективного аспектов социального познания. Указанные тенденции сохраняются и в современной западной философии истории, например, в аналитической и лингвистической мысли, получив свое выражение в дискуссии о природе исторических понятий, составе и функциях языка исследователя (И. Берлин, П.

Гардинер, Э. Карр, А. Марвик, К. Поппер, У. Уолш, Дж. Элтон и др.) [8]. Многие современные исследователи односторонне трактуют функцию субъективного элемента в историческом познании. Однако, несмотря на то, что их выводы носят скорее пессимистический оттенок в отношении эпистемологических возможностей исторической науки, не следует отождествлять акцентирование роли субъекта с субъективизмом. Критикуя наивную установку позитивистов при изображении картины исторического познания, сторонники критической философии истории стремились учесть более полно и всесторонне активность субъекта в познании на основе отказа от концепции полного соответствия социального мышления исторической действительности.

В философии и методологии социального познания второй половины XX века не прекращаются дискуссии относительно эпистемологической роли субъективного элемента в историческом познании. Причем ценностно-мировоззренческая компонента социального исследования нередко определяется как препятствие достижению объективного знания. По мнению А. Момильяно, историкам не остается ничего другого, как «изучать изменения с меняющихся точек зрения и никогда не иметь возможности похвастаться определенностью» [9]. Одна из причин, обусловивших такого рода заключения – укорененность исторического познания в современных нравственных, религиозных, национальных, идеологических и других проблемах цивилизации. Широко известен тезис К. Поппера: «Не может быть истории прошлого в том виде, как оно действительно имело место, возможны только исторические интерпретации, и ни одна из них не является окончательной. Каждое поколение имеет право по-своему интерпретировать историю, и не только имеет право, а в каком-то смысле и обязано это делать, чтобы удовлетворить свои насущные потребности» [10, с. 310]. Многие исследователи, анализируя функции субъекта в социальном познании, разделяют ценности и истину и справедливо призывают учитывать неоднозначное влияние ценностей на результаты познания. «Историк не может ни объяснить, ни толковать историю, не придерживаясь системы ценностей» [11, с. 18-19], – указывает Д. Гавронский. «Структура исторических суждений, – пишет У. Моммзен, – будет определяться не только объектом исследования, но также эпистемологической склонностью и концептуальными орудиями исследования» [12, с. 22].

Однако, рассматривая аксиологические характеристики исторического познания в качестве внешних детерминант исследования, они существенно ограничивают возможности конструктивного решения вопроса о соотношении субъективного и объективного в работе ученого. Так, признавая, что в процессе изучения общества «ни одно живое существо не может быть полностью объективным», Д. Гавронский относит это

обстоятельство к неизбежным недостаткам общественной науки [11, с. 18–19]. Эстетические, правовые, моральные и другие ценности трактуются отнюдь не как феномен, порождаемый самой историей. Социальная оценка понимается как результат деятельности человеческого разума, соответствующая вечным и неизменным культурным ценностям. «Или мы обладаем религиозной, то есть моральной верой, позволяющей нам выносить суждения об исторических событиях, независимо от истории, – подчеркивает А. Момильяно, – или мы должны отказаться от моральных суждений» [19, с. 66–67].

Точка зрения о том, что можно решить проблему обоснования моральных норм средствами истории вызывает все больше возражений в наши дни. По мнению В. Хесле, таким образом решить вопрос невозможно, ибо такое решение повторяет известную натуралистическую ошибку. «Необходимо понять, – пишет он, – что сфера норм не может быть в принципе основана на истории». Каждая попытка такого рода предполагает, что будущее можно знать, но это не так, «именно незнание будущего есть необходимое условие человеческой свободы и тем самым ответственного действия» [13, с. 109]. Указанная позиция приводит к важному выводу о том, что человеческие ценности и нормы не следует искать в истории, а следует наоборот саму историю как реальный процесс строить на принципах и идеалах разума. Ибо история «не просто изменения во времени – при активном «участии» сознания. Нет, сознание – не в участниках, оно притязает на авторство» [14, с. 5], – полагает М.Я. Гефтер. Поэтому творческая активность разумного и нравственного субъекта является основой ценностно-оценочной интерпретации социальных явлений и исторических действий. «И если мы отрицаем эту регулятивную идею в смысле Канта, – заключает В. Хесле, – то разрушаем возможность нашей свободы и становимся лишь незначительной частью развития, которое сильнее, чем разум» [13, с. 109]. Как мы видим, наряду с осторожно-консервативными оценками роли и места субъективного фактора в историческом познании, в новейшей философской мысли появляются альтернативные концепции, сформулированные на основе неокантианской теории ценностей. Возвращаются также традиционные объективистские идеалы и нормы научного исследования, раздаются призывы изучать общество и его прошлое «с максимальной возможной для человека объективностью и историчностью» [15]. Стремление описать, объяснить и восстановить историю, как она была в самом деле, – пишут Дж.М. Кларк и Дж. Бог, – является верным, имеет под собой почву и соответствует традиционным целям исторического исследования» [16, с. 15]. Элиминация субъективного элемента в исследовании уже не рассматривается как необходимое условие достижения объективности знания, а признание фундаментальной роли субъекта, его активно-творческой позиции уже не ведет к отказу от

понятий объективности и достоверности результата познавательной деятельности.

Данное обстоятельство осознается сейчас в методологии истории: ученые стремятся преодолеть давно сложившуюся дилемму – либо субъективизм, либо объективизм. «История, которую раньше считали объективной, затем чисто субъективной, в действительности не является ни той, ни другой, – пишет Ч. Уилсон, – Она субъективна, но она покоится на якоре объективного факта, от которого она никогда не сможет освободиться» [17, с. 12]. Критический анализ субъективистской и объективистской методологии в решении вопроса о соотношении ценности и истины в историческом познании позволяет сделать вывод, что каждая из них абсолютизирует отдельные стороны сложного и противоречивого процесса исследования – либо субъективного, либо объективного элементов. Следует отметить, что обе теоретические позиции при всем их внешнем различии имеют нечто общее. Таким общим местом является признание в той или иной форме в качестве главного критерия познания и оценки внешних социокультурных факторов. Различие при этом состоит лишь в том, что в первом случае внешний фактор выступает в виде объективности, которая служит исходным пунктом всякого теоретического исследования, а во втором – возводится в степень объективности, также, оставаясь однако вне истории. Такое одностороннее преувеличение роли субъективного или объективного элементов в историческом познании создает предпосылки для неполного, ограниченного изучения, понимания и интерпретации социальных явлений.

Ценностный подход в историческом исследовании обусловлен, с одной стороны, спецификой предмета познания, в качестве которого здесь выступает человек, группа, общество, с другой стороны, возможностью и даже необходимостью для познающего субъекта использовать в современной культуре социальный и духовный опыт прошлого. История – это наука о прошлом, то есть обо всем, что было сделано и сказано год, месяц, день и даже минуту назад. Поэтому все есть история: все, что было в прошлом и во всех сферах жизнедеятельности человека. Но где кончается прошлое и начинается настоящее? История – это не только то, что было, но и то, что есть, что совершается и происходит сейчас, сегодня. Несмотря на то, что единицей истории является отдельный человек, его помыслы и чувства, мысли, переживания, цели и т.д., в историческом процессе реализуются в первую очередь не единичные человеческие сознания, а их сумма, совокупность.

Динамика идей, концепций, коллективных настроений, переживаний, чувств, мифологем, то есть общественно-исторического сознания в целом есть то, что мы называем внутренней логикой истории. «История есть история человеческого сознания, – подчеркивает Ю.М. Осипов, – как и бессознания тоже, она вершится сознанием в сфере сознания – ноосфере, и в функциональном

аспекте она есть продукт сознания, однако не просто людского сознания, но и сознания, как и бессознания тоже, самой истории» [18, с. 7]. История вбирает в себя отдельное, индивидуальное, коллективное, психологическое, чтобы сохранить их в общем историческом сознании. «История обладает своим собственным историческим сознанием... она есть процесс реализации этого исторического сознания...» [18, с. 7]. Локомотивом исторического развития всегда было движение идей, их смена и формирование новых идей: субъективные замыслы и планы объективировались, становились фактором коллективного сознания и стимулами дальнейшей общественной эволюции. В свою очередь, созданные историей, ставшие объективными формы организации деятельности людей, закрепляют и обеспечивают устойчивое развитие. Как отмечал Ф. А. фон Хайек: « в истории есть периоды, когда люди создают социальные институты, и периоды, когда институты создают людей» [19, с. 7]. История так же неповторима как и личность, в истории всегда есть элемент непредсказуемости, а это и является условием реализации свободы.

О влиянии культурных ценностей и психологических установок на историческое развитие уже было сказано много. Однако существуют еще и внутренние, относительно автономные, специфические способы существования и стимулы развития общества, которые люди стремятся защитить. «Представляя конкретную форму бытия, – пишет В.А. Кутырев, – человек должен направлять усилия на ее сохранение. Изменения идут стихийно, а для поддержания тождественности нужны сознательные действия» [20, с. 81]. В коллективном опыте этноса, нации, народа, закрепленным языком, правом, моральными, эстетическими представлениями, сохраняются как положительные, так и отрицательные факторы развития. Существует также связь или прямая пропорция между уровнем образованности, культуры, свободы народа и уровнем объективности и цивилизованности общественного сознания. В противном случае сознание общества, в том числе историческое сознание мифологизируется и становится фактором поведения невежественных людей. Миф, по мнению К.Г. Юнга, – это первая и последняя правда, это самосознание народа, то, как он сам воспринимает себя. Но и в экономически развитых, цивилизованных обществах, где вроде бы реализуются свободы и права человека, созданы условия для гармонизации интересов различных социальных групп, тем не менее, сохраняются механизмы мифологизации народного сознания. Поэтому даже в таких странах существуют условия для выработки особых для каждой культуры национальных традиций, соответствующих историческому пути и особенностям нации. Например, так называемая национальная идея в започинных странах имеет не политический, а скорее прагматический, понятный всем гражданам и группам населения характер. В

государствах со сложной, давно сложившейся высокоразвитой институциональной средой, национальная идеология является вторичной по отношению к экономическому развитию. Первичной для них есть культура, система ценностных ориентиров, идеалов и норм, которые уже не нуждаются в государственной защите, так как ее защищают сами люди способом своей жизни.

Таким образом, идеалы и ценности являются формой социальной и культурной значимости, которая осознается в процессе исторического исследования и акте оценки. Ценность социально-исторических явлений связана с применением принимаемой субъектом познания онтологической схемы истории, определением смысла и назначения истории, места человека в обществе и перспективами его самосовершенствования и самоосуществления. Этические, эстетические, политические, культурные и другие идеалы формируют многообразную систему ценностей, основывающуюся на принципах понимания человека, его свободы и истории общества. Различные интерпретации цели, смысла и прогресса в истории также обуславливают изменчивость ценностного отношения. Будучи средством осознания значимости исторических объектов для исследователя, оценка выступает как необходимый, духовный элемент современности, компонент сознания, без участия которого невозможно историческое творчество. Познавая прошлое, исследователь познает собственное отношение не только к прошлому, но и к настоящему, оценивая его тем или иным способом. Вышесказанным не ограничивается сфера, занимаемая оценкой в историческом познании, ее гносеологический статус, содержание и роль гораздо шире.

Другими формами проявления и присутствия ценностных ориентаций в исторической науке являются концептуальные основания социально-исторического знания (стиль мышления и стандарты познания, философские и общенаучные методологические принципы), типы ценностно-мировоззренческих ориентаций в социальном исследовании (типы рациональности, модели историографии, эстетические и моральные регулятивы познания).

Таким образом, следует признать полную невозможность отторжения идеологических ценностей от истины в исторической науке. Как выражение социальных интересов идеологические ценности могут привести к сознательному или бессознательному искажению исторической истины. Это обстоятельство ставит перед методологом серьезную задачу: выяснить, каким образом в одном и том же виде познавательной деятельности уживаются, совмещаются и взаимодействуют ориентация на познание истины и ценности. Сказанное вплотную приводит к выводу, что проблема взаимодействия ценностного и когнитивного в историческом познании, входящая ценностной компоненты в структуру исторических суждений является ключевой в изучении мировоззренческой обусловленности исторического

познания. Отражая историческое прошлое в соответствии со своими мировоззренческими убеждениями и социальными интересами, познающий субъект выясняет значимость для себя изучаемых явлений. Поэтому оценка выступает здесь средством осознания значимости того или иного события или духовного феномена для исследователя и вместе с тем является средством обнаружения их собственной ценности.

Поднятые в нашем исследовании проблемы создают хорошую основу для осуществления методологических разработок при помощи философии истории, знания эволюции исторической науки, опыта конкретных исторических исследований. При написании исторических трудов недопустима политизация исторической науки, а исторические исследования должны отвечать требованиям научной объективности, а также базироваться на многовариантной методологической основе. Интерпретация исторического материала должна учитывать в первую очередь общечеловеческие ценности, а не только национальные интересы.

Выводы

Таким образом, историк-исследователь в процессе своей работы в соответствии со своим мировоззрением и принимаемыми ценностями устанавливает значимость тех или иных действий людей, место их поступков в прошлом с точки зрения идеалов и норм современной жизни. Обращаясь к прошлому, ученые всегда пристрастны, они не только изучают события в их взаимосвязях и следствиях, но и производят определенную нравственную констатацию, исходя из моральных критериев современности. Обоснование значимости исторических фактов для современных социальных процессов и осуществление акта оценки событий прошлого – безусловно важнейшая задача исторического познания.

Список литературы

1. Цит. по: Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук – / Под ред. В.А.Туманова, В.П.Казимирчука. М.: «Прогресс», 1972. – 606 с.

С.В. Синяков, Е.Ф. Сластенко

СОЦІАЛЬНО-ІСТОРИЧНЕ ПІЗНАННЯ: ЦІННІСНО-СВІТОГЛЯДНІ ПРОБЛЕМИ

В статті аналізуються методологічні підходи до вивчення взаємодії ціннісного і когнітивного в історичному пізнанні, розкриваються механізми проникнення ціннісної компоненти в структуру історичних суджень.

S. Syniakov, E. Slastenko

SOCIAL-HISTORICAL KNOWLEDGE: WORLDVIEW-AXIOLOGICAL PROBLEMS

Methodological approaches to the study of interaction of axiological and cognitive in historical cognition are analyzed in the article. The mechanisms of penetration of the value component into the structure of historical judgments are revealed.

2. Барт П. Философия истории как социология / П. Барт – СПб., 1900. – С. 8 – 13.

3. Майер Э. Теоретические вопросы истории. Философско-исторические исследования / Э.Майер. – М.: 1904. – С. 43 – 53.

4. Зиммель Г. Проблемы философии истории (Этюды по истории познания) / Г. Зиммель. – М.: 1898. С. 20–35.

5. Дильтей В. Типы мировоззрений и обнаружение их в метафизических системах / Дильтей В. // Новые идеи в философии. – 1912. – № 1. – С. 130–140.

6. Дильтей В. Описательная психология. – М.: 1924 – С. 125–160.

7. Джемс У. Прагматизм. Новое название для некоторых старых методов мышления / У. Джемс. – СПб., 1910. – 210 с.

8. Berlin I. Concept and categories.-L.,1978.; Leyden W. Categories of Historical understanding // History and Theory. – 1948. – V. 23. – № 1. – pp. 53 – 77.

9. Momigliano A. Historicism. Revisited. – Amsterdam – London; North – Holland pull.co. – 1974. – pp. 65–67.

10. Полпер К. Открытое общество и его враги. – Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. – М.: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 525 с.

11. Gawronski D.V. History: Meaning and Method. – Glenwiew. – 1975. – pp. 18 – 19.

12. Mommsen W.I. Social conditioning and relevance of Historical judgments // History and Theory. Studies in the Philosophy of History Beiheft. 17. // Wesleyan university press. – Dec. – 1978. – pp. 21–23.

13. Хесле В. Абсолютный рационализм и современный кризис / В. Хесле // Вопросы философии. – 1990. – № 11. – С. 107–112.

14. Гефтер М.Я. История – позади? Историк – человек лишний? / М.Я. Гефтер // Вопросы философии. – 1993. – № 9. – С. 6–24.

15. Fisher D.H. Historians Fallacies. Toward a Logic of Historical Thought. – N.Y. – 1970. – p. 315.

16. Clubb J.M. Bogue G. History, Avantifications and the Social Sciences // American Behavioral Scientist. – 1977. – Vol. 21. – W. 2. pp. 14–21.

17. The Relevans of History. – Brussel. – 1975 // In de reeks «Mededelingen. – Klass der Letteren». - p.12.

18. Осипов Ю.М. Национальная элита – судьба России / Осипов Ю.М. // Материалы IV Малого университетского форума. – М.: МГУ, 2009. – С. 7.

19. Цит. по: Назаретян А.П. Знает ли история сослагательное наклонение // Философские науки. – № 2. – 2005. – С. 7–18.

20. Кутырев В.А. Философия трансгуманизма / В.А. Кутырев – Нижний Новгород, Нижегородский у-т., 2010.–84 с.